

нился. См.: *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 5. С. 312–313.

<sup>13</sup> наоборот (*лат.*)

<sup>14</sup> Ср. в письме Жуковского: «Я по-прежнему в Белеве. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19).

<sup>15</sup> Строки из гимна Ж. Делиля «Дифирамб бессмертию души» («*Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme*», 1794). В 1806 году Жуковским был написан «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (опубл. 1807). О работе над ним поэта в контексте других русских переводов стихотворения того времени, в том числе А. Ф. Лабзина 1804 года (в сноске к письму Блудова использован перевод Лабзина), см.: Там же. Т. 1. С. 469–471. О «Дифирамбе» Делиля Андрей Тургенев упоминал в письме к Жуковскому от 9 марта 1803 года (*Жуковский и русская культура*. С. 422).

<sup>16</sup> Бошняк Александр Карлович (1786–1831) — воспитанник московского Университетского благородного пансиона, где учился с 1799 года и где близко сошелся с Жуковским и его кругом, с 1804 года чиновник московского архива Коллегии иностранных дел (см.: *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 323). Блудов пользовался его посредничеством в своей переписке, поскольку дом Бошняка находился рядом с домом его матери.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-117-126

© М. В. Строганов

## А. С. ГРИБОЕДОВ И М. Н. ЗАГОСКИН, ИЛИ О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Процесс профессионализации разных сфер деятельности являлся составной частью формирования публичной сферы и гражданского общества; он сопровождался возникновением сообществ двух типов: организации (профессиональные сообщества, которым свойственна ярко выраженная рефлексия идентичности) и группы (полупрофессиональные, соответственно слабо выраженная или вовсе не выраженная рефлексия) — и многочисленных переходных форм между ними. Интерес к этой области общественной жизни при изучении литературного процесса вполне закономерен.<sup>1</sup> Однако при таком подходе к описанию литературного ряда позиция автора оказывается манифестацией позиции сообщества, хотя, разумеется, постоянно вводятся уточнения о специфике конкретного выступления или личности. Но как ни уточняй эту специфику, она все же остается только спецификой в рамках сообщества, а сами выступления или личность — только функциями, агентами влияния групп и организаций. Неадекватность такого подхода наиболее наглядно становится очевидной при изучении либо реконструируемых групп, либо фигур, которые мы условно назовем периферийными — в том смысле, что они, конечно, не факультативны, но и не отражают ключевые позиции сообщества. Героями настоящих заметок являются А. С. Грибоедов, которого обычно относят к реконструируемой литературной группе младоархаистов, и М. Н. Загоскин, который в дороманный период был периферийной фигурой, поскольку он сам в это время еще не осмыслил свою литературно-общественную позицию со всей определенностью.

### 1

Согласно общепринятому мнению, Грибоедов вступает в литературу в качестве литературного сторонника князя А. А. Шаховского, а жанр, с которым Грибоедов дебютировал как драматург, зародился в творчестве того же Шаховского.

<sup>1</sup> *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1. С. 5–18.

Между тем пьеса Шаховского, которая считается первой русской светской комедией, и «Молодые супруги» Грибоедова были созданы фактически параллельно. При чем следует учесть, что хотя Грибоедов писал «Молодых супругов» по совету Шаховского, но закончил комедию, вероятно, даже раньше, чем тот свои «Липецкие воды», в 1814 году, еще до приезда в Петербург.<sup>2</sup> Тем не менее грибоедовская комедия увидела свет рампы позднее, чем «Урок кокеткам». И хотя разница в премьерах составила всего шесть дней, однако, как известно, «липецкий потоп» поглотил в себе комедию Грибоедова, который поэтому и оказался для общественного сознания в фарватере Шаховского. Разумеется, комедия «Урок кокеткам» имела преимущество злободневной сатиры, мастером которой Шаховской являлся со времен «Нового Стерна» (1805). Кроме того, литературный стаж Шаховского был значительнонее, чем стаж Грибоедова. И все же выступили они единым строем, однако в истории литературы Грибоедов получил роль только героя второго плана, роль наперника и литературного сторонника Шаховского, который, впрочем, к 1815 году перевел и сочинил не менее двенадцати драматических произведений.

Быть может, на роль центральной фигуры Грибоедов пока еще и сам не претендовал и поэтому без обиды довольствовался ролью правой руки, ближайшего к сердцу, младшего брата, наследника Шаховского, поскольку все это были весьма почетные места. Но совершенно очевидно, что каждый автор хочет услышать какой-то отклик и на свое сочинение, а откликов фактически и не было. Поэтому Грибоедов написал эпиграмму «От Аполлона». Отлучая в ней от подлинного искусства все толки об «Уроке кокеткам», он на самом деле приглашал поговорить о «Молодых супругах». Не лишено символизма и совпадение дат: цензурное разрешение номера «Сына отечества», в котором была опубликована эпиграмма Грибоедова, состоялось 29 ноября 1815 года, ровно через два месяца после премьеры «Молодых супругов».

Появление эпиграммы «От Аполлона» можно, разумеется, рассматривать как факт литературной полемики: Грибоедов выступил якобы на стороне Шаховского, и мы всегда именно так и смотрим на нее. Но прямой смысл эпиграммы вступает в противоречие с интерпретацией этого текста в рамках только литературной партийной полемики: Грибоедов выступает не от имени какой-то партии, а пытается занять надпартийную позицию. Ему не важно, «в укору» или «в похвалу» пишутся сочинения об «Уроке кокеткам». Важно, чтобы они уже прекратились, потому что есть и другие замечательные произведения, например «Молодые супруги». И дело не в том, что «Молодые супруги» написаны с отличных от Шаховского литературных позиций, а в том, что созданы они Грибоедовым. Это выступление не имеет никакого отношения к журнальным спорам архаистов и новаторов, арзамасцев и беседчиков; оно просто-напросто выражает личную амбицию автора. И в этой амбициозности нет ничего плохого, напротив, она весьма продуктивна. Ведь если бы Грибоедов считал, что его место в литературе — быть только подмастерьем у Шаховского, он никогда бы не написал «Горе от ума».

Но была и другая причина появления этой эпиграммы, которую мы также не учитываем. Противники арзамасцы откликнулись на нее самым адекватным и наиболее приемлемым для ее автора образом. В частности, В. А. Жуковский писал П. А. Вяземскому 12 января 1816 года: «Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно, потому что *здесь* уже было объявлено в „Сыне Отечества“ о мире — не надобно самим нарушать его!»<sup>3</sup> Архаисты же — в силу своей архаистической привычки XVIII века биться хотя бы до первой крови — никак не могли уgomониться.

В ситуации почти одновременного представления своих комедий Шаховской и Грибоедов оказались первооткрывателями жанра светской комедии. По большому счету, комедия Грибоедова была дальновиднее тонкой разработкой психологии героев. Шаховской же брал только тем, что указывал прямо на Жуковского. Но в этот самый момент в окружение Шаховского проникает М. Н. Загоскин с «Комедией после

<sup>2</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев. СПб., 1999. Т. 2. С. 391 (комм. П. Р. Заборова, Л. А. Степанова).

<sup>3</sup> «Арзамас». Сборник: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура, А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2. С. 345.

комедии, или Уроком волокитам», премьера которой состоялась 3 ноября 1815 года. Она идеологически и сюжетно сориентирована непосредственно на «Липецкие воды»: если в этих последних преподавался «урок кокеткам», то в «Комедии после комедии» преподавался «уроком волокитам». Но гораздо важнее в комедии Загоскина были обсуждение и защита комедии Шаховского. В научной литературе утвердилось мнение об искательстве Загоскина, восходящее к театральным сплетням современников: «Загоскин сейчас понял, что нужно к нему подделаться и прежде всего получить право на его благодарность». <sup>4</sup> Именно это искательство, полагают современные исследователи, «определило и резкое отношение к „Комедии после комедии“ в кругу А. С. Грибоедова». <sup>5</sup> И если это так, то второй причиной появления эпиграммы Грибоедова «От Аполлона» было стремление Загоскина занять положение, близкое к Шаховскому. Запрещающая толки о «Липецких водах», Аполлон фактически запрещал «Комедию после комедии».

Однако было ли со стороны Загоскина на самом деле искательство — вопрос весьма спорный. Почему-то в этой истории мы с большой легкостью отказываем Загоскину в искренности и считаем его выступление в защиту «Липецких вод» намеренным умыслом. Между тем Шаховского в «Беседе» венчали лавровым венком вовсе не за то, что он преуспел в своих литературных происках, а от всей души — за большой успех у публики. И Грибоедова мы относим к сторонникам Шаховского, вовсе не предполагая в нем искательства. И никто из исследователей не пишет о том, что резкости Грибоедова против Загоскина (вообще-то грубости, к которым мы еще обратимся) были обусловлены чувством соперничества, которое испытывал Грибоедов к своему конкуренту, тем более что Грибоедов полагал (в известной мере справедливо), что силы их неравны. «Комедия против комедии» не была для Загоскина дебютным произведением, как и «Молодые супруги» для Грибоедова. До «Комедии после комедии» Загоскин написал комедию «Проказник», которая заслужила комплименты Шаховского, но была представлена на сцене только 15 декабря 1815 года, что и было воспринято современниками как расплата Шаховского за поддержку. Однако Грибоедов до «Молодых супругов» напечатал лишь несколько статей общественно-политического содержания (несомненно, что ему принадлежали и другие собственно литературные сочинения, но они либо оставались неизвестными публике, либо, будучи опубликованы анонимно, не идентифицировались и до сих пор не идентифицируются с ним). Грибоедов как комедиограф был более дебютант, нежели Загоскин, но добился большего успеха на сцене. Если «Комедия против комедии» выдержала всего несколько представлений, а «Проказник» — только два, то «Молодые супруги» долго не сходили со сцены. Однако в печати откликов на «Молодых супругов» по-прежнему не было.

## 2

На фоне всех этих перипетий становится очевидным, что и в комедии Грибоедова и П. А. Катенина «Студент», написанной летом 1817 года, высмеивался лично Загоскин, шедший в фарватере Шаховского, хотя литературная позиция студента Беневольского (прототипом которого стал Загоскин) была сориентирована на карамзинско-арзамасский кружок. Все это суммировано в комментариях Ю. П. Фесенко, <sup>6</sup> и нам необходимо несколько дополнить эти сведения и сгруппировать должным для нас образом.

Фамилия главного героя Беневольского восходит к псевдониму Ювенал Беневольский под хвалебной рецензией на пьесу М. Н. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице». <sup>7</sup> Но дело в том, что и сам главный герой комедии «Студент» Беневольский является «провинциалом в столице». Современники считали, что эта рецензия

<sup>4</sup> Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 243.

<sup>5</sup> Загоскин М. Н. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 746 (комм. С. Панова, А. Пескова); ср.: Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. Краснодар, 2001. С. 99.

<sup>6</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 405–414 (комм. Ю. П. Фесенко).

<sup>7</sup> Беневольский Ю. Первое представление г. Богатонова, или Провинциала в столице // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 1. № 1. С. 22–28.

принадлежит самому Загоскину, во всяком случае А. Е. Измайлов под псевдонимом Ювенал Прямосудов намекал на близкое знакомство рецензента с автором.<sup>8</sup> Об авторстве Загоскина действительно свидетельствует сходство его мыслей с мыслями псевдонима. В заметке от редактора Загоскин пишет о комедии Шаховского «Липецкие воды»: «...служанка, как бы ни умела болтать по-французски, не станет, верно, говорить о филантропии...».<sup>9</sup> А Ювенал Беневольский утверждает: «...служанка, подобная Анюте, есть, по мнению моему, лицо, свойственное иностранной, а не русской комедии; у нас служанки не беседуют столь явным образом с господами. Знаю, что многие писатели, и писатели известные, вводили их в свои комедии; но истинные русские комики убегали сего недостатка...».<sup>10</sup> Студент Беневольский принимает дворянку за крестьянку, и этот поворот сюжета отвечает на рассуждения Загоскина, который писал: «Странно покажется, что в комедии „Игра любви и случая“ (П. де Мариво. — М. С.) Сильвия, благородная девица с хорошим воспитанием, так легко влюбляется в Эраста, которого считает простым слугою; а еще страннее, что слуга Эраста, принимая Лизету, горничную Сильвии, за невесту своего барина, думает, что может на ней жениться».<sup>11</sup> Загоскин в статье «Знатоки, или История одного дня» упоминает петербургского ресторатора Бордеро (Бордерона), «содержащего палатку на большом бульваре»,<sup>12</sup> и его также вспоминают герои «Студента». Наконец, по поводу песни «Vive Henri Quatre!..» из пьесы Ш. Колле «Охота Генриха IV» (1766) Загоскин пишет: «Ария на голос „Vive Henri Quatre“ восхищает француза: она напоминает ему одну из самых счастливых эпох в истории его отечества; но что может она напоминать русскому?»<sup>13</sup> Это мнение повторяет и Беневольский, который не понимает значение этой песенки для русских участников Отечественной войны 1812 года: «Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?» Саблин возражает Беневольскому и Загоскину: «Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня!»<sup>14</sup>

Мы мало знаем о степени известности этой не напечатанной и не поставленной комедии. Считается, что Грибоедов принял большее участие в ее создании, чем Катенин,<sup>15</sup> который увез комедию в Москву, где, видимо, неосмотрительно распространял списки.<sup>16</sup> Во всяком случае Загоскин познакомился со «Студентом» и узнал себя в Беневольском. Именно этим можно объяснить тот факт, что, когда 4 октября 1817 года возобновилось представление «Молодых супругов» на сцене Петербургского театра, Загоскин воспользовался этим и напечатал в «Северном наблюдателе» рецензию не на спектакль, а на саму пьесу Грибоедова. Через два года после премьеры «Молодые супруги» не были уже новостью в литературно-театральном мире, поэтому для того, чтобы напечатать критический отзыв об этой пьесе, Загоскин должен был иметь какое-то специальное основание. Никаких других причин для этого мы не знаем. Но знакомство с комедией «Студент» было более чем достаточным основанием для литературного выступления.

В начале рецензии Загоскин пишет о комедии Грибоедова в целом, сравнивая ее с комедией Крезе де Лессера, переложением которой она была: «...разница в достоин-

<sup>8</sup> Прямосудов Ю. Письмо к издателям С. О. о *Богатонове, или Провинциале в столице* // Сын отечества. 1817. № 29. С. 88–102; см.: Загоскин М. Н. Соч. Т. 2. С. 755–757 (комм. С. Панова, А. Пескова).

<sup>9</sup> [Загоскин М. Н.]. Еженедельный репертуар // Северный наблюдатель, 1817. Ч. 2. № 15. С. 55.

<sup>10</sup> Беневольский Ю. Первое представление г. Богатонова, или Провинциала в столице. С. 16, 26.

<sup>11</sup> М. З. Семидневный репертуар // Северный наблюдатель, 1817. Ч. 1. № 1. С. 21.

<sup>12</sup> М. З. Житель Лиговского канала. Знатоки, или История одного дня // Там же. № 2. С. 43.

<sup>13</sup> М. З. Семидневный репертуар // Там же. С. 71.

<sup>14</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 93. Ср.: Гозенпуд А. А. Пушкин и русский театр десятих годов XIX в. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 41–42.

<sup>15</sup> Фомичев С. А. К творческой предыстории «Горя от ума» (Комедия «Студент») // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 88–98.

<sup>16</sup> Кошелев В. А. А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков: К творческой истории комедии «Студент» // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1989. С. 199.

стве сих двух комедий весьма ощутительна. Мы находим, что русская гораздо лучше; в ней нет тех излишних, растянутых сцен, которые делают французскую комедию отменно утомительною; действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены: в ней все на своем месте. Муж, который говорит:

Мой будущий удел я знаю наперед;  
В наш век степенница по свадьбе через год  
Берет любовника; — единобразье скушно,  
И муж на то глядеть обязан равнодушно, —

и потом, спустя несколько минут, сходит с ума от ревности; *хладнокровие*, с коим он требует письмо, заключающее в себе, по его мнению, доказательства неверности Эльмиры, — все это весьма забавно». <sup>17</sup>

Вроде бы похвалил, однако коротко. Но после этого Загоскин указал на целый ряд языковых погрешностей (не всегда справедливо), и этот перечень «грамматических» ошибок был очень длинным, а общая оценка их резка: «стихи дурные, шероховатые и выражения, совершенно неприличные действующим лицам»; «Читая подобные стихи, поневоле вспомнишь слова Мизантропа:

Такие, граф, стихи  
Против поэзии суть тяжкие грехи». <sup>18</sup>

Загоскин похвалил Грибоедова в целом и поругал в частности. Если рассматривать рецензию как факт полемики литературных партий, тут нет ничего оскорбительного. Но под впечатлением от «Студента» Загоскин совершенно изменил перспективу; он придал частностям общее значение и таким образом отомстил Грибоедову.

### 3

Грибоедов понял это и взвился, и в письме к Катенину от 19 октября 1817 года так описывал свою реакцию: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахиною. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, — рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасегию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделяться, когда глупец жужжит об тебе дурачества». <sup>19</sup> Грибоедов хотел напечатать стихотворение, «он бросился с ним к одному, к другому, к третьему издателю, чтобы напечатать. „Помилуйте, Александр Сергеевич, — отвечали ему всюду, — разве подобные вещи печатаются: это чистые личности“. Еще более раздосадованный такими отказами, Грибоедов нанял писцов, и в несколько дней, через знакомых и знакомых знакомых, по Петербургу разошлось до тысячи рукописных экземпляров „Лубочного театра“. Загоскин все-таки был одурочен». <sup>20</sup> Не успев в Петербурге, Грибоедов хотел напечатать стихотворение в Москве и писал Катенину: «Как ты думаешь? „Вестник Европы“ не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. Я бы подписал свое имя (*коли нельзя иначе*)». Ради публикации он готов был на замены: «Вместо Загоскина: Вот вам *Михайло Моськин*. А в другом месте: Вот *Моськин*»

<sup>17</sup> [Б. п.]. Еженедельный репертуар // Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 15. С. 54.

<sup>18</sup> Там же. С. 55–56.

<sup>19</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

<sup>20</sup> Смирнов Д. А. К биографии А. С. Грибоедова (Из неизданных материалов) // Исторический вестник. 1909. № 4. С. 135.

*Наблюдатель*». <sup>21</sup> Так появились две редакции: первая с именем Загоскина (сохранились только списки<sup>22</sup>), а вторая с Моськиным (автограф, 16 октября 1817 года, принадлежал Булгарину). А. А. Жандр сообщает о ранней и более краткой редакции: «Конечно, это не апокрифическое: об этом и речи быть не может, но то, что я знал из „Лубочного театра“, то, что мне читал сам Грибоедов, было гораздо короче, сжатей и живее. Не было, например, указания на „Проказника“, комедию Загоскина, и некоторых других мест».<sup>23</sup>

Итак, в «Лубочном театре» злость (если даже не злоба) Грибоедова перехлестнула через все мыслимые нормы приличия. Исчерпывающую информацию о «Лубочном театре» представил Л. А. Степанов.<sup>24</sup> Мы только предложим читателю всю эту информацию перевести с языка борьбы литературных партий на язык бытового человеческого поведения. Возьмем, например, следующее суждение Степанова: «...личностная окраска спора о балладах <...>, конечно же, не покрывает сущностных аспектов статей Гнедича и Грибоедова, но должна быть учтена. Чтобы правильно понять отклик Грибоедова, необходимо вникнуть в комплекс вопросов, поставленных статьей Н. И. Гнедича».<sup>25</sup>

С нашей точки зрения, адекватная интерпретация сформируется в том случае, если мы просто перевернем все это утверждение и переставим составляющие его кубики следующим образом: литературная полемика («комплекс вопросов, поставленных статьей Н. И. Гнедича») «не покрывает сущностных аспектов статей Гнедича и Грибоедова», «но должна быть учтена», а «чтобы правильно понять отклик Грибоедова, необходимо вникнуть» в «личностную окраску литературных споров». В этом, собственно, и состоит различие наших комментаторских позиций.

Ф. В. Булгарин, впервые опубликовавший фрагмент этого стихотворения («Один напишет вздор ~ А вы читайте!») и не знавший, что полемика младоархаистов и новаторов станет определять построение истории литературы, акцентировал частные интересы: «У меня хранится стихотворение покойного автора „Горе от ума“ А. С. Грибоедова, до сих пор нигде не напечатанное. Привожу из него отрывок. Это живая картина нашей мелочной литературы:

Один напишет вздор,  
Другой на то разбор,  
А разобрать труднее,  
Кто из двоих глупее!  
Что вы смеетесь, господа?  
Писцу насмешка не беда,  
Он знает многое смешное за собою,  
Да уж давно махнул рукою;  
Махнул пером — отдал сыграть,  
А вы, пожалуй, рассуждайте.  
Махнул пером — и дал в печать,  
А вы читайте!»<sup>26</sup>

Впрочем, мы вовсе не намерены сводить всю литературоведческую комментаторскую работу к интерпретационным техникам и в связи с этим пользуемся случаем, чтобы предложить небольшое уточнение к воспроизведению печатного текста «Лубоч-

<sup>21</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.

<sup>22</sup> Арапов П. Летопись русского театра. С. 260–261; Смирнов Д. А. К биографии А. С. Грибоедова. С. 133.

<sup>23</sup> Смирнов Д. А. К биографии А. С. Грибоедова. С. 135.

<sup>24</sup> Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. С. 93–106.

<sup>25</sup> Там же. С. 66.

<sup>26</sup> Ф. В. Заочная болтовня, или по-школярному: Colloquium cum absentibus (Статья вторая). О современной журналистике // Северная пчела. 1837. 15 июня. № 131. С. 524. Помимо нескольких разночтений в пунктуации, эта публикация содержит отличие от автографа в предпоследнем стихе; ср. текст в Полном собрании сочинений: «Махнул пером — отдал в печать» (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 215).

ного театра». Список стихотворения, который принадлежал Булгарину, сохранился, первый лист его воспроизведен в Полном собрании сочинений, хотя и назван там автографом.<sup>27</sup> Фактически тот же самый текст (но автограф) был опубликован Л. Н. Майковым в составе письма Грибоедова к Катенину от 19 октября 1817 года. Местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно, но публикатор сообщил: «Правописание подлинников сохранено нами вполне».<sup>28</sup> По непонятной причине текст стихотворения в составе письма в Полном собрании сочинений не опубликован, и редакторы ограничиваются лишь указанием: «<Далее следует текст стихотворения „Лубочный театр“ (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 213–215)>».<sup>29</sup> Список, опубликованный Майковым, отличается только одним стихом:

Вот господин Загоскин,  
Вот весь его причет:  
*Княгини и княжны, князь Фольгин и князь Блесткин;*  
Они хоть не смешны, да сам зато уж он  
Куда смешон!<sup>30</sup>

И чуть ниже в том же письме Грибоедов просил напечатать стих с перечнем персонажей комедий Загоскина «Пустодомы» каждого на отдельной строке, что и соблюдается в современных изданиях:

Вот господин Загоскин,  
Вот весь его причет:  
*Княгини и*  
*Княжны,*  
*Князь Фольгин и*  
*Князь Блесткин;*  
Они хоть не смешны, да сам зато уж он  
Куда смешон!<sup>31</sup>

Вместе с тем совершенно очевидно, что в этом фрагменте трижды нарушено стиходеление, вследствие чего появляются холостые стихи, которых не должно быть по поэтическому заданию. Предложение Грибоедова разбить на отдельные стихи строку про *княгинь, княжен, князя Фольгина и князя Блесткина* объясняется тем, что оно имитирует театральную афишу, и с ним пришлось бы смириться, если бы мы не могли воспользоваться подачей стихов лесенкой, которую во времена Грибоедова еще не знали. Другое дело объединение в одном стихе двух: «Они хоть не смешны, да сам зато уж он»; это объединение не мотивируется ничем и мешает ритмически адекватному восприятию текста. Поэтому предлагаем придерживаться следующего разбиения стихов:

Вот господин Загоскин,  
Вот весь его причет:  
*Княгини и*  
*Княжны,*  
*Князь Фольгин и*  
*Князь Блесткин;*  
Они хоть не смешны,  
Да сам зато уж он  
Куда смешон!

<sup>27</sup> См.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 214.

<sup>28</sup> Майков Л. Заметки об А. С. Грибоедове // Сборник, издаваемый студентами Имп. Петербургского университета. СПб., 1860. Вып. II. С. 240.

<sup>29</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.

<sup>30</sup> Майков Л. Заметки об А. С. Грибоедове. С. 242.

<sup>31</sup> Там же. С. 213, 215.

Следует заметить, что А. А. Архипова и Л. А. Степанов в своем комментарии к «Лубочному театру» указывали на рифму *княжны/смешны*,<sup>32</sup> но в тексте это не отразилось.

В «Лубочном театре» Грибоедов дал оценку произведениям Загоскина, написанным к октябрю 1817 года: «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (граф Фольгин), «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (князь Блесткин, Богатонов), «Проказник» (первая комедия Загоскина, поставлена в Петербурге 15 декабря 1815 года). Говоря, что Загоскин «с Транжирина кафтан стащил», Грибоедов указывает, что «Богатонов» Загоскина восходит к герою комедии Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808), хотя на самом деле обе они восходили непосредственно к комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Наконец, слова «Загоскин-Наблюдатель» намекают на журнал «Северный наблюдатель», где и была напечатана рецензия на «Молодых супругов».

#### 4

Если речь зашла о стихах, то невозможно удержаться от еще одного замечания. В 1820-е годы отношения Грибоедова и Загоскина стали дружелюбными. Во всяком случае, С. М. Загоскин, сын Загоскина, писал: «В Императорской Публичной библиотеке хранится переданное мною туда нижеследующее стихотворение Грибоедова, писанное им в форме письма к моему отцу, служившему в то время при московском театре». И приводит это послание:

Бич пороков и блинов!  
Ныне Щепкин угощает  
И приятельский свой зов  
Через меня он посылает.  
Приезжай нас позабавить,  
Аппетиту нам прибавить  
И съестного поубавить.<sup>33</sup>

С. М. Загоскин считает Грибоедова членом «Арзамаса»: «Все члены „Арзамаса“, за исключением Жуковского и Вигеля, сделались сильными порицателями драматического таланта отца, и в особенности ожесточался против него Грибоедов, который, однако, позднее, познакомившись с ним, полюбил его и остался в приятельских с ним отношениях вплоть до своей трагической кончины».<sup>34</sup> Совершенно очевидно, что С. М. Загоскин исходит из общего представления о том, будто всякая литературная полемика является отражением борьбы литературных группировок. Между тем теоретически это вовсе не так, а в нашем случае и подавно: Грибоедов на самом деле «ожесточался», но, как мы все время стремимся показать, по иным, не партийным причинам.

Известно, что Н. К. Пиксанов безуспешно пытался разыскать стихотворное послание «Бич пороков и блинов!».<sup>35</sup> Эта записка почему-то не вошла в Полное собрание сочинений Грибоедова даже на правах Dubia. Между тем она включена в статью о Загоскине, подготовленную С. А. Фомичевым для Грибоедовской энциклопедии,<sup>36</sup> а в томе писем Полного собрания сочинений — в комментарии к письму Грибоедова к Загоскину,<sup>37</sup> — и оба раза без каких-либо дезавуирующих авторство Грибоедова комментариев. Загоскин уже с 1822 года служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Москвы с исправлением должности экспедитора по театральному отделению, а с 1823-го курировал хозяйственную часть московских театров. Поэтому

<sup>32</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 472.

<sup>33</sup> Загоскин С. М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 48.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 459.

<sup>36</sup> Фомичев С. А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007. С. 191.

<sup>37</sup> Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 459.



оближение его с Грибоедовым можно отнести к 1824 году, когда создавалась и ставилась на московской сцене пьеса Грибоедова и П. А. Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». А упоминание блинов еще более конкретизирует датировку. Это же послание дает повод иначе рассмотреть отношения Грибоедова с М. С. Щепкиным, которые сам актер не считал, однако, близкими.<sup>38</sup>

Возвратимся к нашему сюжету. Что же дал наш очень краткий анализ (краткий — потому что все эти перипетии уже многократно описаны и специалистам известны, повторять их сейчас не следует)? Во-первых, мы теперь более ясно видим Грибоедова как человека — достаточно злого, большого забияку, очень амбициозного, человека, не терпящего конкуренции и конкурентов и готового биться из-за каждой мелочи до конца. Во-вторых, мы видим, что на грибоедовском горизонте (во всяком случае, в ранние годы) важнейшее место занимает фигура Загоскина. Между тем эта фигура была просто незаметна вне рамок нашего анализа при обычном историко-литературном подходе, который базируется на представлении о литературном процессе как борьбе литературных направлений (они же принадлежали к одному направлению). В известной книге В. П. Мещерякова, главы которой названы именами литературных противников или союзников Грибоедова, нет главы «М. Н. Загоскин», и весь материал о Загоскине включен в главу «П. А. Катенин».<sup>39</sup> Степанов, который в связи с тем же «Лубочным театром» много написал о Загоскине, место данного писателя в профессионально-писательской жизни Грибоедова тоже специально не выделил. Можно привести и другие примеры, но количество их увеличит и сам читатель. Введение же Загоскина в литературный кругозор Грибоедова дает нам возможность иначе представить расстановку сил в литературной жизни (не борьбе), а известные уже факты могут и должны быть перегруппированы иначе. Наконец, в-третьих, мы видим, что литературная полемика была и остается литературной полемикой, но она обязательно имеет личностную подоплеку. Те, кто сами практикуют литературную критику, хорошо понимают, что о книгах незнакомых людей писать гораздо проще: можно быть и резким, и честным. Писать о книгах знакомых людей всегда труднее: честность и резкость оборачиваются либо личностями, либо комплиментарностью. Всего в меру не бывает, либо пересолить, либо недосолить. Именно это мы и видим в маленьком (еще очень маленьком) русском литературно-театральном кругу начала XIX века.

В заключение вернусь еще раз к методу. Я вовсе не против изучения литературы как специальной формы художественного мышления и — как следствие — я не против изучения рифмы и композиции. Но кому нужны будут наши анализы рифмы и композиции, если мы не будем понимать литературного текста как текста о жизни и людях? Если мы претендуем на более тонкое понимание текста, то мы должны строже относиться и к нашим собственным восторгам по поводу статьи Грибоедова «О разборе вольного перевода бюргеровой баллады „Ленора“», написанной в ответ на статью Н. И. Гнедича «О вольном переводе бюргеровой баллады „Ленора“». Мы обычно восклицаем: какая, мол, статья Грибоедова глубокая и прозорливая! А на самом деле он всего лишь ругается с Гнедичем. И как мелочен Гнедич, так же точно мелочен и Грибоедов (вся литературная критика их времени была еще достаточно мелочна), хотя и есть у Грибоедова пара вполне справедливых замечаний.

Литературный быт не обязательно предполагает борьбу литературных партий. Как совершенно очевидно, никаких литературных партий за полемикой, с одной стороны, М. А. Дмитриева и А. А. Писарева, а с другой — П. А. Вяземского и Грибоедова не стояло. Это была достаточно пустая перепалка, объяснимая только лишь человеческими амбициями. Но в этом нет ничего плохого: в конце концов, это были люди, и они не все время позировали для обложек своих будущих книг, да и нравы общественно-литературной жизни были другие. Они жили и писали не для того, чтобы мы их изучали;

<sup>38</sup> Там же. С. 284.

<sup>39</sup> Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983.

они жили для самих себя. И как они и не думали, что мы будем священнодействовать над каждым их словом (плохи они были бы как писатели, если бы думали об этом); так и нам не следует священнодействовать, нам следует посмотреть на литературу как на человеческий документ. Наше видение не только Грибоедова во многом изменится.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-126-145

© Лю На (КНР)

## РОССИЙСКАЯ ДОСТОЕВИСТИКА 1844–2020 ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ\*

За время изучения жизни и творчества Ф. М. Достоевского в России был сформирован основательный корпус научных работ, отмеченных как разнообразными методами, так и значительными результатами. В настоящей статье эти труды анализируются и визуализируются с точки зрения исследования данных и поиска новых инструментов и методов изучения развития академических дисциплин. За долгую историю исследований Ф. М. Достоевского они сложились в самостоятельную научную дисциплину — «достоевистику».

За 170-летний период с 1844 по 2020 год в России было опубликовано более двадцати тысяч статей о Ф. М. Достоевском<sup>1</sup> — самый большой вклад в мировую достоевистику. Этот обширный корпус работ представляет собой сокровищницу мысли, однако в то же время ставит перед исследователем задачу контроля и эффективного использования научной литературы.

В последние годы, с наступлением эры «больших данных», компьютерные сети и интернет-технологии привнесли в литературоведение новые методы и пути исследования. Гуманитарии все чаще употребляют такие термины, как «цифровые гуманитарные науки» («digital humanities»), «цифровая библиография», «визуализация» и «дистанционное / дальнее чтение» («distant reading»). В уже имеющихся научных трудах проведено сравнительно полное теоретическое обоснование с внедрением зарубежного опыта, а также предварительно обобщены некоторые методы исследования и вспомогательные программные средства анализа данных. Исходя из этого, в нашей статье предпринята попытка применить цифровые технологии для изучения истории осмысления произведений Достоевского, визуализировать результаты работ, чтобы представить всестороннюю картину российской достоевистики за 177 лет.

При проведении анализа данных обычно требуется, чтобы источники характеризовались полнотой, нормативностью, последовательностью, точностью, актуальностью.<sup>2</sup>

Источники для этой работы состоят из двух частей.

Данные по литературе за период 1844–2004 годов получены из библиографии С. В. Белова «Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг.», которая содержит 15027 работ.

Данные с 2005 по 2020 год были собраны автором статьи из российских общедоступных баз данных электронных ресурсов, преимущественно на основе базы данных

\* Данная статья выполнена по гранту в рамках проекта Государственного фонда общественных наук КНР «Концепция человека в русской литературе» (22AWW005). Часть данного исследования была опубликована на китайском языке в журнале «Русская литература и искусство» (2021, № 2).

<sup>1</sup> Научные труды в достоевистике, упомянутые в этой статье, относятся к академическим достижениям в изучении жизни и творчества Достоевского.

<sup>2</sup> Лю Бин, Пан Линь. Исследование качества больших данных в Китае и за рубежом // Вестник данных. 2019. № 2. С. 220–221. (刘冰, 庞琳, 国内外大数据质量研究述评 // 情报学报, 2019年第2期, 第220–221页。)